

Казанова исполнил стриптиз

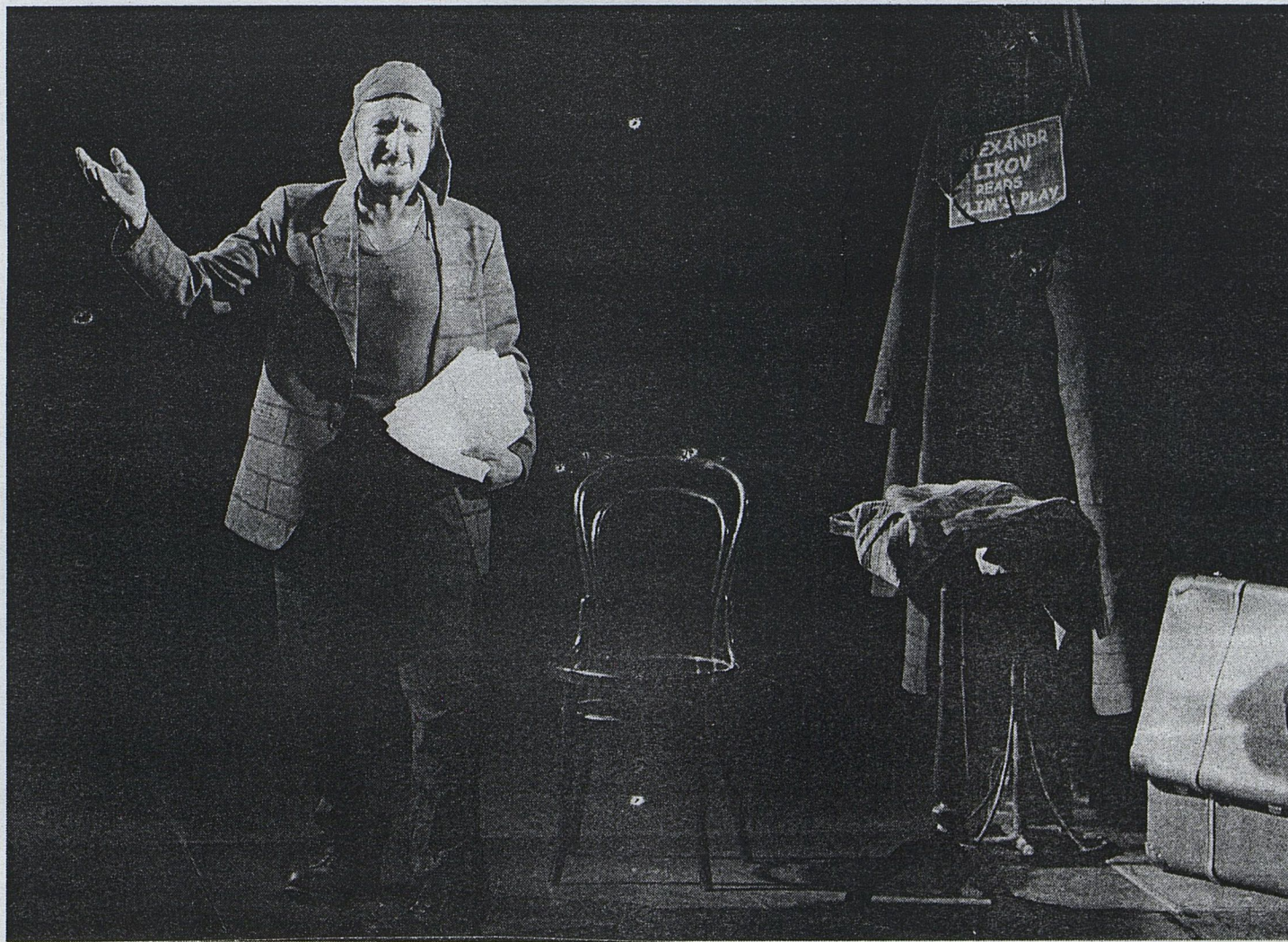
Александр Лыков на «Золотой маске»

Коммерсантъ - 2004 - 22 мар.
79 - с. 22.

фестиваль театр

Организаторы юбилейной гострольной программы «Золотой маски» не могли не напомнить публике о любимом детище своей ассоциации — проекте «Новая драма» и включили в афишу несколько спектаклей-участников прошлогоднего фестиваля современной пьесы. Эту часть программы открыл моноспектакль Александра Лыкова со странным названием «Я + Она + Не я и Я» по пьесе Клим. В психотерапевтических талантах драматурга и актерских способностях бывшего «мента» Казанова убедилась МАРИНА ШИМАДИНА.

Сам спектакль оказался таким же сбивчивым и путанным, как его название. Сумбурный, полный философских сентенций и лирических откровений текст, который трудно назвать пьесой, для Александра Лыкова написал известный театральный маргинал и экспериментатор Клим. В тот момент актер ушел из телесериала про ментов, где он прославился в роли Казанова, находился в творческом простое и, надо полагать, духовном кризисе. Клим оказался хорошим психологом, подарив актеру прекрасный театрализованный тренинг, который позволил ему выплеснуть, выговорить, выкричать свои важнейшие проблемы под именем какого-то абстрактного Я, которое на самом деле «Не я». Путаница в местоимениях — это еще цветочки по сравнению с тем хаосом, который творится в голове у лирического героя господина Лыкова. Страх актерской и человеческой несостоятельности,

Бывший мент Казанова Александр Лыков вышел из кризиса прямо на публику ФОТО ДМИТРИЯ ЛЕКАЯ

тоска по какому-то смутному идеалу, жажда любви, признания и славы, самоирония, неуверенность в себе, в самом этом спектакле и в том, что это кому-то может быть нужно и интересно. Автор открыто говорит, что это — кризисный текст, а этот спектакль для актера не что

иное как «план побега из тюрьмы собственной бездарности».

«Ну вы и влипли, — паясничает на сцене актер, — пришли отдохнуть, развлечься, а тут...» А тут стоит какой-то психически неуравновешенный тип и орет всю глотку о своих проблемах и терзаниях. Причем о проблемах

настолько интимных, о которых в порядочном обществе говорить неприлично. Нет, вы не подумайте, что речь идет о сексе и тому подобном, об этом-то говорить как раз можно. А вот о душе, о любви, о Боге — извините, это моветон. Александр Лыков вместе с Климом этим спектаклем

бросают вызов современному театру, помешанному на форме и зрелище, и ироничной, ернической новой драматургии, которая больше всего на свете боится выглядеть серьезно и прячется за масками фантастики, сюрра, гротеска или, наоборот, почти передвижнического реализма.

Александр Лыков никуда не прячется, он демонстративно, чрезмерно открыт: раньше бы сказали «артист без кожи», а теперь — эксгибиционист. А что бы было не так страшно стоять перед публикой полностью обнаженным, он с места в карьер атакует слушателей бешеным напором истошного крика. Первые минуты этот монотонный крик на одной ноте производит впечатление жуткой музыкальной какофонии: хочется заткнуть уши и бежать куда глаза глядят. Но постепенно актер завладевает залом и заставляет зрителей смириться с этим эпатажным надрывом и стать соучастниками собственного самосожжения. Этот спектакль нельзя просто смотреть, отстраненно наблюдая за чужим душевным стриптизом: ему нужно либо сопереживать, либо выходить вон из зала, что многие и делали. В основном это, как ни странно, были женщины, не внявшие призывам бывшего Казанова организовать общество защиты мужской души. Несчастные так и не узнали, что мужчина — это им «письмо от Бога», и если урвать не свое, то там можно прочесть только какую-нибудь беллиберду вроде «очищенный банан обратно не засунешь». И не услышали анекдот о том, как Казанова решил подшутить на улице над бомжем, оказавшимся Дон Хуаном, и еще массу полезной и поучительной информации. Зато оставшаяся публика наградила актера щедрыми аплодисментами, свидетельствующими о том, что Александру Лыкову запланированный побег удался.